

КЛАДБИЩЕ



СВЕТЛАНА ЧВЕРТНО
Родилась и выросла в Новосибирске, училась в Институте филологии СО РАН, изучала малую прозу символистов. Окончила два писательских курса школы

Band. Готовит к изданию дебютный роман «Теперь питание компьютера можно отключить» в издательстве «Астрель-СПб». Состоит в писательском сообществе «Будь автором».

В конце апреля бабушка уезжала на Клешихинское кладбище и возвращалась с тележкой, наполненной конфетами и печеньем. Я смутно понимала, что лучше не спрашивать, каким способом она собирала это богатство, но как же было приятно перебирать поломанное печенье и растаявшие от весеннего солнца конфеты! Больше всего мне нравился длинный прямоугольник с тремя круглыми отверстиями – в магазине его называли «Печенье сливочное». Оно почти никогда не ломалось.

Мама не могла скрыть стыд и ругала меня: «Ну куда тебе третья конфета, ты и так поправились!» Высказывать недовольство бабушке она не могла – та была единоличным правителем нашего маленького королевства с отваливающейся кафельной плиткой и потрескавшимся линолеумом.

У меня было мало праздников, но я знала, что весной случится один – сорокалитровое ведро сладостей, которое уберут в кухонный пенал и к которому можно будет тихонько бегать, чтобы потом есть украденные сокровища, в очередной раз перечитывая «Приключения Тома Сойера». Много ли надо для счастья, если обычно у тебя нет ничего?

К прабабушке на кладбище меня почему-то не брали. То ли не хотели тратить деньги за проезд, то ли я сама отказывалась. Помню только один случай. К нам приехали бабушкины сестры, мы

залезли в автобус. Дорога тянулась и тянулась, я подпрыгивала на заднем колесе и считала остановки. Прыг! Озерная. На небольшом рыночке возле остановки можно купить подпорченные яблоки. Прыг! Связистов. Связистом был дедушка во время войны. Он умер еще до моего рождения «от старых ран», по выражению мамы. Я никогда не понимала, что это значит. Прыг! Оборонная. Вокруг девятиэтажек выросли низенькие частные дома. Прыг! Юго-Западный. Если перейти дорогу, отсчитать три панельки и выбрать третий подъезд, можно попасть в квартиру к моему отцу. Когда я приходила туда, отец включал видик с боевиками, а его мама в перерывах между запоями рассказывала о том, как надо жить.

Прыг! Конечная. Мы высыпались из автобуса вместе с множеством нарядных людей. До кладбища идти бесконечно долго. Я спешила за взрослыми вдоль дороги, перепрыгивая через собачьи какашки и битое стекло. Мы еще не дошли до места, а мне уже было невыносимо скучно.

Возле кладбища стояли узбеки и продавали искусственные цветы. Я смотрела на неестественно яркие гвоздики, пока мама не ткнула меня локтем в бок и не сказала: «Видишь! Мы приносим, а эти воруют». Я послушно отвернулась и подумала, что есть не только круговорот воды, но и круговорот

цветов. Может быть, цветам скучно слушать истории одного мертвого человека и им хочется полежать на могиле другого, чтобы услышать что-то новое?

Мама, к примеру, всегда рассказывала одно и то же. И все какое-то стыдное.

Как бабушка в детстве упала в бочку с навозом.

Как перед важной поездкой из Тогучина в Новосибирск у мамы нашли вшей.

И как я любила сесть в лужу и плескаться в ней.

За долгие шесть лет жизни я выучила истории наизусть, но у меня хотя бы были подруги. А вот кладбищенским гвоздикам тяжелее...

До этого кладбище я видела лишь по телевизору или по дороге в Криводановку – лес и могилки, могилки и лес. Сейчас же передо мной раскинулось лысое поле, полное ярких пятен: хаотично припаркованные машины выпускали нарядных людей с разноцветными венками. Посмотришь издали и подумаешь, что приехал на базар.

Больше всего мне запомнились грязные ямы, заполненные бабочками-капустницами. Их было так много, что они могли бы собраться в одну огромную бабочку, которая, как гигантский монстр из голливудского фильма, будет преследовать и пожирать живых.

Я ходила от ямы к яме. Иногда засовывала руку – бабочки не сопротивлялись и послушно садились на ладонь. Я аккуратно складывала их обратно – мама говорила, нельзя трогать бабочек за крылья, можно стереть пыльцу, благодаря которой они летают. Это как обрезать усы кошке – без них она ослепнет и не сможет передвигаться в темноте. Бабочки напоминали старые игрушки из коробки – берешь обгрызенного пупса и думаешь, что с ним делать, но в голову так ничего не приходит. И пупс отправляется обратно к неваляшке, деревянным кубикам и пластиковым солдатикам. Кому нужны солдатик, когда у твоей лучшей подружки есть настоящая Барби?

На кладбище было жарко и хотелось пить, но я терпела. Потом захочется в туалет, а до дома далеко. Я еще не определилась, что хуже – облезлые кусты Клещихинского кладбища или дыра в деревянном туалете.

Так я научилась не чувствовать.

Мы сели на дорожку, съели бутерброды с дефицитной колбасой, которую привезли родственники, и стали ждать. Я изнывала от скуки: бабочки подсчитаны, тропинки исхожены, бутерброды кончились. Что мы тут делаем?

Но взрослые даже не думали уходить. Они смеялись, ели конфеты, пили водку и раскладывали возле могилы прабабушки цветы. Я изучала надгробную плиту без фотографии и вспоминала мамины рассказы, что у меня волосы – как у бабы Нади. Голоса взрослых становились все громче, смех гремел чаще, растягивался во времени. Я уже знала, к чему это идет, и грустно смотрела по сторонам. Бежать было некуда.

Первой петью начала бабушка. Она всегда задавала громкость и темп, остальные подхватывали. Бабушка выбрала свою любимую: «Капитан, капитан, улыбнитесь», которую я совершенно не понимала. Какой глупый капитан! Разве можно растерять смелость? Я всегда всего боялась, но если бы научилась быть храброй, ни на что бы это не променяла.

Глупые взрослые с их глупыми песнями! Я зажала уши ладонями, но ничего не помогало. Нестройный ход, в котором проступало народное «ох», врезался в мои уши, застрял там, заставляя трясти ногами в такт. Я ненавидела, когда взрослые пели. Слишком громко, мимо нот, с протяжными фольклорными интонациями.

За капитаном последовали частушки. Их я любила еще меньше, но деваться было некуда.

Так я научилась не слышать.

Возможно, чуть позже я все-таки закатила истерику, потому что в следующие поездки меня не брали.

Так кладбище медленно превратилось не то в сон, не то в воспоминание, где бабочки-капустницы поют вместе с взрослыми глупые песни. А затем ведра со сладостями и вовсе вытеснили все неприятные ассоциации, превратив кладбище в волшебное место, куда каждую весну отправляется бабушка за подарками. Она обязательно должна быть там одна, потому что я слишком мала, чтобы научиться бабушкиной магии, а маме нельзя напрягаться, маму нужно беречь. Когда-нибудь мне передадут бабушкин дар, но не сегодня.

О таком волшебном кладбище я думала в двух случаях: когда приближалась Родительская суббота и когда мы с мамой тащились на Хилокский рынок, который находился рядом с Клещихой.

Каждое лето мы с мамой ехали на восемнадцатом трамвае до конечной, а оттуда шли пешком еще минут сорок, волоча за собой бабушкину тележку. Так было дешевле, чем ехать с пересадкой.

На Хилокском мама выбирала самые дешевые абрикосы и покупала ящик. Мы перекладывали помятые темно-оранжевые фрукты в ведро, ставили

его в тележку и волокли ее по очереди. Дома дела не заканчивались. Мама падала на диван и говорила, что осталась без спины, а мы с бабушкой мыли, сортировали, отделяли от косточек и отправляли в огромный металлический тазик абрикосы, которые за несколько часов должны были превратиться в варенье.

На кухне становилось жарко. Прилетали осы, садились в пенку от варенья и погибали, задушенные сладостью. Я жевала «абрикосы для еды» и караулила медленно кипящую янтарную массу. Мне казалось, что весь мир взрослых – это чередование тяжелых и очень тяжелых обязанностей. Таскай, мой, вари, убирай, покупай, ищи дешевле, торгуйся, ругайся... А потом... Потом будет зима и банка того самого варенья, которое, честно, никому особо не нравилось – слишком приторное. Но куда деваться, если зарплату не платят, а жить как-то надо.

Так я научилась выживать.

Бабушку похоронили на совсем другом кладбище, возле моей любимой Криводановки. Чтобы туда попасть, нужно дойти до Бетонного завода, сесть на двести двадцатый автобус и попросить остановить на кладбище. Это будет то самое место, которое я все время замечала в детстве, когда ехала в гости к родственникам. Могилки, лес. Лес, могилки. Трюродный брат рассказывал страшные истории, а я представляла, что они происходят именно там – в густом темном лесу, скрывающем бесчисленное количество мертвецов.

Прошло больше двадцати лет. Может, поредел жуткий старый лес, может, я настолько выросла, что стала сильнее всех этих деревьев, прячущих жуткие тайны. Все может быть. Только теперь это кладбище можно было обойти за полчаса. И страшного в нем ничего не осталось.

Мама приклеила к надгробию фотографию – черно-белая бабушка в круглых очках и с короткими темными кудрями. Снимок подошел идеально, будто всегда ждал своего часа – стать фото на памятнике.

Но этого не было, этого не должно было случиться. Раньше кладбище отпускало бабушку вместе с тележкой битого печенья и слипшихся конфет. Бабушка всегда была где-то между мирами, всегда бросала вызов смерти. И однажды не вернулась.

Она ушла, и вместе с ней из семьи ушла радость, потому что пока я училась не чувствовать, не слышать и выживать, бабушка умела ценить мелочи. От всей души прокричать песню. Уехать ку-

да-нибудь в одиночестве. Распороть пять старых платьев и сшить из них одно новое. Оставить себе к чаю пенку от варенья.

Может быть, когда-нибудь я научусь и этому. Может быть.

Перед эмиграцией мы с друзьями поехали кататься и внезапно оказались в Криводановке. Я показывала им места из детства и думала, как хорошо будет после заехать на кладбище к бабушке.

Мы выехали из поселка по дороге, которую я с детства знаю наизусть.

Мы ехали медленно, стараясь не пропустить нужный поворот.

Но поворот исчез. Будто бы бабушка так и оставила кладбище своим тайным местом, где творится магия.

